

КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94(470)"16/18"

А. Е. Виденева, Н. В. Грудцына

Ярославский Казанский монастырь в первой половине XVIII столетия

Исследование посвящено истории Казанского монастыря в первой половине XVIII в.: его настоятельницам и насельникам, средствам содержания и условиям существования, внутренней иерархии и особенностям бытового уклада.

Ключевые слова: монастырь, храмы, кельи, трапеза, монастырское управление, настоятельство, монастырское хозяйство, средства содержания, бытовой уклад, монахини, настоятельницы, старицы, белицы.

A. E. Videneeva, N. V. Grudtsyna

The Monastery of Virgin of Kazan in Yaroslavl in the first half of the XVIII century

The research is devoted to history of Monastery of Virgin of Kazan in the first half of the XVIII century: to its priors and cenobites, to the means of allowance and living conditions, internal hierarchy and household way peculiarities.

Keywords: a monastery, temples, cells, a meal, monastic management, abbacy, monastic household, means of allowance, household way, nuns, priors, elderly nuns, female novices.

В представленной работе нам хотелось бы обратить внимание на некоторые особенности монастырского уклада Ярославского Казанского девичьего монастыря, дать характеристику основ его устройства, системы управления и средств содержания, рассмотреть формы использования монастыря и условия проживания в нем. Хронологические рамки ограничены первой половиной XVIII столетия.

В литературе этот период истории монастыря освещен слабо. В описании обители, опубликованном в 1864 г., из событий, относящихся к первой половине XVIII в., упомянуто о причислении к монастырю часовни в 1735 г. и об отливке в 1750 г. нового большого колокола весом в 125 пудов. Кроме того, названы имена трех игуменей, управлявших монастырем в первой половине XVIII в. – Ексакустодианы, Маргариты и Минодоры [1].

Основными источниками для настоящей работы послужили указы ростовских архиереев Георгия, Иоакима и Арсения, а также распоряжения Ростовской духовной канцелярии и Ярославской духовной конторы. Листы этих указов и распоряжений, каждый из которых представляет собой самостоятельный документ, вероятно, еще в XVIII в. были подшиты в одно дело. Такой спо-

соб хранения документации имел широкое распространение. Подобные сборники указов находятся в составе почти всех монастырских и многих церковных архивов XVIII в. Но комплект указов Казанского монастыря, в отличие от других аналогичных подборок, имеет два несомненных достоинства. Во-первых, его составляют достаточно ранние источники, охватывающие период с 1718 г. по 1740-е гг.; немногие монастыри Ростовской епархии имеют столь представительный набор источников первой четверти XVIII в. Во-вторых, практически все документы этого сборника имеют непосредственное отношение к истории Казанского монастыря. В нем сравнительно мало синодальных указов, подлежащих «распубликованию» по всей стране, тех самых, которые в прочих подобных комплектах, как правило, составляют большинство [2].

Казанский девичий монастырь, основанный в 1610 г., располагается в центре Ярославля, между Казанской улицей и городским валом. По описи 1701 г., в обители имелось два каменных храма. Монастырский собор был посвящен Казанской иконе Богородицы и имел два придела: первый – Парасковии Сербской, второй – Климента папы Римского и Петра Александрийского. Храмовый образ Казанского собора – чудотворная икона

Казанской Богоматери являлась главной святыней монастыря. Вторая монастырская церковь, освященная в честь Иоанна Предтечи, была устроена над святыми воротами. На монастырской колокольне насчитывалось шесть колоколов, общий вес которых составлял 90 пудов 20 фунтов.

В монастыре находилось 80 деревянных келий, 66 из которых в 1701 г. были заняты под жилье, а 14 – пустовали. Наряду с деревянными жилыми сооружениями, в описи упомянута одна каменная келья; но со временем каменного жилья в монастыре становилось все больше. Основная часть жилых помещений находилась в собственности монахинь, поскольку, как свидетельствовали сами старицы, «те кельи строили они на свои келейные деньги, а не из монастырской казны». Территорию монастыря окружал деревянный забор. Ограда не имела башен, ее единственным украшением служили каменные святые врата [3].

Казанский монастырь являлся необщежительным. Сестры и послушницы содержали себя сами. В связи с этим показателен указ ростовского архиепископа Георгия от 3 февраля 1727 г., разрешающий постригать в Казанском монастыре только тех женщин и девиц, которые были в состоянии самостоятельно содержать себя: «келии, и пищи, и всякого кошту с монастыря требовать не будут, а пробавляться будут собою» [4].

Как уже упоминалось, общность жилья уставом не предусматривалась. Места проживания насельниц – каменные и деревянные кельи, находились в частном владении или принадлежали монастырю. Кельи и их части – так называемые «доли», «жеребья», «жилья», покупались или арендовались. В том случае, если келья принадлежала монастырю, доход от ее аренды или плата при ее продаже пополняли монастырский бюджет. Так, в 1716 г. Кирилл Лаврентьев сын Чичерин за 30 руб. купил в монастыре каменную келью, в которой по договору с ним поселилась «его свойственница». После ее смерти Чичерин вознамерился келью продать, но настоятельница не дала своего согласия на продажу, хотя и сама не собиралась ее покупать. Чичерин пожаловался архиерею. Епископ Георгий позволил продать келью, но «не посторонним светским людям», а живущим в монастыре монахиням, если среди них найдутся желающие ее приобрести. Игуменье же было велено в том случае, «если келья монастырю потребна», оплатить ее стоимость из казенных денег [5].

Одна из монастырских келий, вероятно, наиболее просторная и удобная, являлась игуменской и специально предназначалась для проживания настоятельницы. При смене игуменьи прежняя покидала игуменскую келью, а новая переселялась в нее [6].

Общая трапеза отсутствовала – насельницы кормились за свой счет, «а пропитание получают всякая от своего кошта». Одежда у каждой также была своя [7].

В системе иерархии общины Казанского монастыря четко прослеживались три уровня – управительницы, старицы и белицы.

К управительницам относились настоятельница в сане игуменьи и казначея. Высшие посты системы монастырского управления были выборными. При необходимости замены настоятельницы или казначеи их кандидатуры по особому архиерейскому указу избирались из числа сестер на общем совете всех стариц и впоследствии утверждались владыкой. Архиерей советовал выбирать «добрых» и «безподозрительных», а всем сестрам желал жить «в послушании, не мятежно и постоянно». После архиерейского утверждения настоятельница посвящалась в игуменский сан, ей вручались игуменская грамота и архиерейский наказ пребывать в монастыре «благолюбово, крепко и смирно, непьянственно и несварливо, и церковному благочинию без лености прилежать, и всякое по должности звания своего дело управляти» [8].

Известен пример, когда по челобитью сестер настоятельница была лишена игуменства. 19 сентября 1718 г. к ростовскому епископу Георгию обратились монахини Казанского монастыря с жалобой на игуменью Анфису, которая их «бранит и бесчестит напрасно и смиряет бесчеловечно». Ее жестокость вынудила четырех монахинь покинуть монастырь. Община обвинила настоятельницу в самовластии, финансовых спекуляциях и недостойном поведении. На допросе в Ростовском духовном приказе игуменья Анфиса созналась. Указом епископа Георгия от 28 сентября 1718 г. она была сведена с игуменства и разжалована в рядовые монахини [9].

Впрочем, снять с настоятельства архиерей мог и самолично, как это случилось в 1737 г. с игуменьею Маргаритой, наказанной за попытку выгородить одну из своих монахинь, которой грозило расстрижение [10].

В первой половине XVIII в. настоятельницами монастыря являлись:

Евдоксия Корсакова (упомянута в 1701 г.) [11].

Александра Волкова (с 18 сентября 1709 г.) Из монахинь Казанского монастыря, в 1701 г. упоминалась как соборная старица [12].

Дорофея Пестова (до 1718 г.) [14].

Анфиса (до 28 сентября 1718 г.) В 1718 г. была разжалована епископом Георгием в рядовые старицы [15].

Ексакустодиана Шандякова (по другим сведениям – Опухтина [16]) (сентябрь 1718–1733 гг., вторично – январь 1738–1740 гг.) [17].

Маргарита Нерицкая (1733 г. [18] – декабрь 1737 гг.) В 1737 г. была разжалована архиепископом Иоакимом в рядовые старицы [19].

Минодора Засекина [20] (1740–1755 гг. [21]) Из монахинь Казанского монастыря, в 1718 г. упоминалась как соборная старица. В 1720-х – начале 1730-х гг. исполняла послушание головщицы на правом клиросе. В июле 1735 г. была определена в казначей [22].

Казначей заведовала монастырской казной. Известны имена некоторых казначей первой половины XVIII в.: Феодосия (упомянута в 1701 г.) [23], Таифа (упомянута в сентябре 1718 г.) [24]; Назарета (скончалась в июне 1735 г.) [25]; Минодора (была казначеей с 29 июля 1735 г. по 1740 г.) [26].

Основу общины составляли принявшие монашеский постриг старицы. Большинство из них являлись рядовыми. Привилегированное положение занимали старшие или соборные старицы, которые образовывали своеобразный совещательный орган при игуменье и участвовали в управлении обителью. На особом положении, также находились крылошанки – монахини, участвовавшие в богослужении, чьим постоянным послушанием и главной обязанностью являлось пение на клиросе [27].

В составе монастырской описи 1701 г. сохранился перечень имен 132 монахинь, в котором названы игуменья, казначей, 18 старших стариц, 14 крылошанок и 98 рядовых монахинь.

Итак, в 1701 г. монастырь возглавляла игуменья Евдокия Корсакова, казначеей являлась монахиня Феодосия.

В число старших или соборных стариц входили Феодосия Нащокина, Мариамия Теприцкая, Тайфида Шеховская, Мария Лопотова, Фекла Непоставова, Мариамия Березникова, Феодора Малыгина, Александра Волкова, Иулия Корзли-на, Александра Жохова, Мария Исаева, Капитолина Завалишина, Евтолия Власьева, Ираида Неклюдова, Мария Суслова, Фетинья Феонтьева, Феклиста Есипова и Илинарха Безсенева.

Крылошанками были Елена Анисимова, Ефросиния Григорьева, Таисия Спиридонова, Александра Аврамова, Матрона Максимова, Иулита Меркелова, Евдокия Михайлова, Минодора Иванова, Иулия Андреева, Мариамия Иванова, Елена Андреева, Евпраксия Меркуриева, Митродора Андреева и Евдокия Михайлова [28].

Рядовыми монахинями являлись Помфила Потапова, Марина Исаева, Капитолина Галактионова, Пелагея Некрасова, Дорофея Каменщикова, Мариамия Шапкина, Полиария Губина, Ирина Колпашникова, Ираида Шапкина, Глафира Пушникова, Евгения Угримова, Пелагея Яковлева, Гавдела Андреевна, Мелания Шляпина, Федосья Спиридонова, Агафья Игнатьева, Екатерина Владимирова, Ева Георгиева, Таисия Павлова, Дорофея Сисоева, Евфимия Парфеньева, Анна Лаврентьева, Анисия Михайлова, Афилия Петрова, Анастасия Козьмина, Марфа Иванова, Матрона Стефанова, Ираида Елисеева, Афанасия Якимова, Капитолина Дорофеева, Дорофея Гаврилова, Евдокия Феофанова, Александра Никифорова, Марианна Иванова, Матрона Климентьева, Феодосия Иванова, Анисья Тимофеева, Прокла Алексеева, Иулиания Петрова, Евникия Дементьева, Евдокия Захарьева, Улияния Петрова, Марфа Дементьева, Анастасия Козьмина, Варсонофия Осипова, Пладониса Яковлева, Анисия Масалитина, Мавра Григорьева, Евдокия Алексеева, Улия Михайлова, Антонида Никифорова, Каликия Михайлова, Доминика Логинова, Аглафия Афанасьева, Каликия Иванова, Гавдела Стефанова, Вера Мартьянова, Евдокия Федорова, Анфиса Максимова, Марфа Иванова, Федулия Иванова, Макрина Филиппова, Февронья Семенова, Марина Иванова, Евлампия Сергеева, Марфа Иванова, Анисия Тимофеева, Гавдела Иванова, Матридия Алексеева, Кирикия Вонифатьева, Евдокия Спиридонова, Фотиния Петрова, Агрипина Климонтова, Варсонофия Леонтьева, Ирина Афанасьева, Давифа Дмитриева, Анфия Артемьева, Таисия Филипьева, Таисия Наумова, Ульяна Яковлева, Полиария Федорова, Мавра Иванова, Дарья Михайлова, Анисья Иванова, Клавдея Дементьева, Иулияна Герасимова, Акулина Иванова, Петранида Васильева, Миникирида Алексеева, Марина Иванова, Васца Титова, Аглафья Неспорова, Евдокия Антропова, Евлампия Артемьева, Мамелфа Алексеева, Венедикта Козьмина, Елисавета Федорова и Меланья Григорьева [29].

Белицы или послушницы жили в монастыре на испытании в ожидании пострига. Постриже-

ние совершалось по архиерейскому указу при соблюдении двух основных условий. Во-первых, в монастырском штате для новой монахини должно иметься свободное, так называемое «убылое», место. Во-вторых, она сама не должна являться для монастыря обузой, то есть ей следовало заблаговременно позаботиться о келье для проживания и доказать, что она в состоянии самостоятельно прокормить себя. До пострига белицы имели возможность покинуть монастырь, но для этого им следовало заручиться согласием настоятельницы и разрешением архиерея [30]. Сведения о количестве послушниц Казанского монастыря не обнаружены.

Порой документы открывают причины, по которым женщины уходили в монастырь. В этом отношении показательна история Васцы Борисовой, второй жены ярославского посадского человека Федора Матвеева сына Строганникова. В 1718 г. Васца «заскорбела падучею болезнью», от которой у нее отнялась правая рука. Ей стало трудно содержать дом и, с согласия своего мужа, она обратилась к ростовскому архиерею, выразив желание «себя смирить в пострижении в Казанском монастыре». По требованию владыки состояние просительницы было освидетельствовано в архиерейском Ярославском духовном приказе. Выяснилось, что Васца действительно больна: «правую руку приволокло к груди и не отводится». Епископ Георгий рассудил так: супругов Строганниковых развести, Васцу Борисову принять в монастырь, а ее мужу, на будущее, третий брак запретить [31].

В сентябре 1723 г. казанская община существенно пополнилась. По указу архиепископа Иоакима, в соответствии с синодальными требованиями об упразднении «малобратских» монастырей, в Казанскую обитель были определены монахини, жившие до того при Преображенской церкви города Романова [32].

Средства содержания Казанского монастыря были ограничены, он не имел ни вотчин, ни других сколько-нибудь заметных доходных статей. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствуют признания настоятельниц. В 1731 г. игуменья Маргарита в доношении, поданном в Ярославскую провинциальную канцелярию, объявляла, что за монастырем «как в Ярославской, так и в прочих провинциях ... никаких прибылых к пропитанию доходов нет». В марте 1738 г. она напоминала, что «за оным Казанским девичем монастырем к пропитанию вотчин, земель, рыбных ловель, перевозов, мельниц и иных никаких

доходов нигде не имеется». Через год ее преимица, игуменья Ексакустодиана, в доношении, адресованном в ту же Ярославскую провинциальную канцелярию, заявляла, что насельницы, «кроме руги, никаких доходов, вотчин, мельниц, земель, рыбных ловель и протчих оброчных статей ничего не имеют» [33].

Поступление денег в монастырский бюджет обеспечивалось ружными выплатами, подаением и церковными доходами.

Казанский монастырь являлся ружным, состоял на государственном содержании. По царскому указу 1658/59 г. община ежегодно получала по 112 руб. (из расчета по 1 руб. на каждую старицу). Указанная сумма во второй половине XVII в. ежегодно перечислялась в монастырскую казну из ярославских таможенных доходов. В 1705 г. размер выплат был вдвое уменьшен и составил 56 руб. Но и этот половинный оклад выплачивался с большими задержками. Значительные перебои в перечислении денег пришлись на конец 1720-х – 1730-е гг. Доходило до того, что в 1737 г. монахини жаловались в Ярославскую провинциальную канцелярию, откуда должны были поступать деньги: «Умираем голодною смертию» [34].

Монастырь пользовался «подаением боголюбивых людей». Впрочем, как с сожалением признавала в 1783 г. игуменья Ексакустодиана, пожертвований «града Ярославля от христоробивых подателей в милостыню ... бывает весьма малое число» [35]. В 1720 г. по прошению общины епископ Георгий разрешил монастырю производить целевой сбор денег на церковное строительство «по торжкам и ярмонкам» в городах и уездах Ростовской епархии. Архиерей разрешил ходить по городам и селам с пеленой от чудотворного образа Казанской Богоматери, но саму икону выносить из обители запретил [36].

Еще одним источником средств к существованию являлись церковные доходы. Для их увеличения, по указу архиепископа Иоакима, 4 октября 1736 г. к монастырю была приписана каменная часовня, располагавшаяся в Ярославле у Семеновских ворот и прежде принадлежавшая ярославской Варваринской церкви. Владыка справедливо рассудил, что церковь пользуется материальной поддержкой своего прихода, в то время как в монастыре «за неимуществом имеется в свечах и прочих церковных требах нужда» [37].

Как видим, денег Казанскому монастырю не хватало. Постоянные жалобы монахинь на «великую нужду», по всей видимости, были вполне обоснованы.

Наряду с исполнением своего основного предназначения – являться местом особенно усердного служения богу и приютом людей, добровольно ушедших от мира, Казанский монастырь, как и все прочие монастыри того времени, использовался духовными властями в качестве места ссылки и заключения. В монастырское подначальство на покаяние для исправления определялись монахини и мирянки, уличенные «в некоторых преступлениях», раскольницы, наконец, просто увечные и слабоумные. Как правило, от них требовалось участие в монастырских трудах и регулярное посещение монастырских богослужений. В том случае, если вина сосланных оказывалась достаточно серьезной, их содержали скованными, «под крепким караулом». Сроки пребывания в ссылке могли быть четко определены (месяц, полгода, год и т. п.), а могли не иметь установленных границ, тогда заключение продолжалось «до исправления» сосланных или «до рассмотрения» архиерея. Известны случаи, когда в подначальство определяли пожизненно. Так, в 1731 г. монахиню Казанского монастыря Неонилу за ложный донос в Синод ростовский архиепископ Иоаким приказал содержать в монастыре «до кончины жизни неисходно» [38].

Ссылным предоставлялся кров, но кормились они за свой счет. Так, в конце декабря 1721 г. в Казанский монастырь в подначальство была прислана монахиня Рождественского монастыря Ираида Горохова. В марте следующего 1722 г. туда же «за некоторое прегрешение» была определена еще одна рождественская старица – крылошанка Улея. В мае 1722 г. они обе подали прошение ростовскому архиерею, жалуясь на то, что, будучи сосланными в Казанский монастырь, «помирают голодною смертию». Они просили о возвращении в Рождественский монастырь, но епископ Георгий, распорядившись об их освобождении из подначальства, предпочел оставить их в казанской общине и приказал кормиться тем, «чем прочие черницы питаются» [39].

Между тем, сами насельницы Казанского монастыря имели едва ли большую свободу, чем содержащиеся в нем «под началом». По синодальному указу от 8 ноября 1722 г. на основании 37 пункта прибавления к Духовному регламенту требовалось «все девичьи монастыри от первого до последнего ... затворить и быть им всегда заключенными». Выход за монастырские ворота без разрешения игуменьи и без серьезных на то оснований запрещался. По сентябрьскому синодальному указу 1723 г. игуменьям и духовникам

в девичьих монастырях поручалось особенное надзирание за монастырским благочинием, а нарушителям оно грозило «безпощадное по монастырскому обыкновению и по мере преступления наказание» [40].

14 июня 1724 г. епископ Георгий, которому «ведомо учинилось, что многие черницы и чернецы, безвременно оставя монастыри, волочатся по градам и улицам безстыдно, повелел подтвердить, что б по всей Ростовской епархии все монастыри были “заключены”, а монашествующие из оных не отлучались, кроме как по монастырским нуждам при условии получения архиерейского разрешения и паспорта, выданного духовной канцелярией». Настоятелям и настоятельницам строго предписывалось самим незамедлительно доносить архиерею обо всех случаях нарушения дисциплины в их монастырях [41].

Примечания

1. Ярославский Казанский женский монастырь [Текст]. – Ярославль, 1864. – С. 12, 49. В документах приписка часовни датирована октябрём 1836 г. (РФ ГАЯО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 94).
2. РФ ГАЯО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 3.
3. РГАДА. – Ф. 237. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 52 об.-64, 68 об.-69.
4. РФ ГАЯО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 3, 16, 25, 58.
5. Там же. – Л. 16 – 16 об., 25–25 об.
6. Там же. – Л. 103 об.
7. РФ ГАЯО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 41; – Д. 118. – Л. 63 об.
8. РФ ГАЯО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 2 – 3, 86, 103, 105.
9. Там же. – Л. 2–3.
10. Там же. – Л. 103–103 об.
11. РГАДА. – Ф. 237. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 65 об.
12. Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709 г.) [Текст]. СПб., 1891. – С. 322–323.
13. Ярославский Казанский женский монастырь ... – С. 49.
14. РФ ГАЯО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 16.
15. РФ ГАЯО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 2–2 об. В описании монастыря, опубликованном в 1864 г., игуменья Анфиса, вероятно, ошибочно названа Анисейей. (Ярославский Казанский женский монастырь ... – С. 49.)
16. [16] РФ ГАЯО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 2.
17. Ярославский Казанский женский монастырь ... – С. 49.
18. Там же.
19. РФ ГАЯО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 103–103 об.
20. Там же. – Л. 2.

21. Ярославский Казанский женский монастырь ... – С. 49.
22. РФ ГАЯО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 2, 86.
23. РГАДА. – Ф. 237. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 66.
24. РФ ГАЯО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 2.
25. Там же. – Л. 86.
26. РФ ГАЯО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 86; Ярославский Казанский женский монастырь ... – С. 49.
27. РФ ГАЯО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 2–3; РГАДА. – Ф. 237. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 65 об.–68 об.
28. РГАДА. – Ф. 237. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 65 об.–66.
29. Там же. – Л. 66–68 об.
30. РФ ГАЯО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 16, 35–37, 41.
31. Там же. – Л. 11–12.
32. Там же. – Л. 35.
33. РФ ГАЯО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 67. – Д. 118. – Л. 59, 63 об.
34. РФ ГАЯО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 5–5 об., 67, 101, 102.
35. РФ ГАЯО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 118. – Л. 63 об.
36. РФ ГАЯО. – Ф. 197. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 9.
37. Там же. – Л. 94.
38. Там же. – Л. 8, 17, 53, 68, 78.
39. Там же. – Л. 20, 23, 24.
40. Там же. – Л. 31–31 об., 33, 34, 39.
41. Там же. – Л. 39–39 об.